

НАУЧНЫЕ ОТЧЁТЫ, ОБЗОРЫ, ОТЗЫВЫ И РЕЦЕНЗИИ

УДК 801.8:801.81

5.9.5. Русский язык. Языки народов России

С.Ю. Дубровина

Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина

РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ: КОРЕПОВА К.Е. РУССКИЕ КАЛЕНДАРНЫЕ ОБРЯДЫ И ПРАЗДНИКИ НИЖЕГОРОДСКОГО ПОВОЛЖЬЯ. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ: ТРОПА ТРОЯНОВА, 2009. 481 С.

В рецензии рассматриваются особенности содержания монографии К.Е. Кореповой, посвященной изучению календарных обрядов и праздников, бытующих в Нижегородском Поволжье. Поднимаются вопросы полевого сбора и изучения обрядового фольклора.

Поволжье, обрядовый фольклор, календарные обряды.

Несмотря на многообразие форм самовыражения нашего современного многоформатного и политизированного мира, в нем остается место для исследования фольклора: его вербального самовыражения, жанрового состава, поэтической структуры, обрядов, традиций устного народного творчества. Ведутся исследования по географии и систематизации фактов, историческим реконструкциям в фольклористике, изучаются персонажи фольклора, трансформации сюжетов, определяется прецедентное пространство этнофольклорных образов. Если же учесть популяризацию фольклора в СМИ и распространение креолизованных текстов (афиш, плакатов, реклам, фактура которых складывается из двух разнородных частей – вербальной и невербальной, относящихся к иным знаковым системам, нежели естественный язык), то поле формативного многообразия традиционных образов чрезвычайно расширяется [1; 2].

В настоящее время выходят в свет оригинальные работы региональных научных школ, сопрягающие в своем содержательном арсенале наряду с традиционными сюжетами русской волшебной сказки современные сюжетные линии, формирующие прецедентное пространство сказа. Интерес в этом отношении представляет вышедшая в 2020 г. монография научной школы вологодских ученых Е.Н. Ильиной, В.В. Карповой, В.С. Тиво «Концептосфера русского фольклора и ее отражение в новых дискурсивных практиках» [3]. В издании подвергаются анализу особенности вербализации ментальной основы произведений русского фольклора в текстах современной массовой культуры с особым вниманием к проблемам репрезентации двух жанров – волшебной сказки и героической песни (былины). Первая глава исследования посвящена анализу фольклорного концепта *чудо* как категории текстообразования традиционных и «новых» текстов, в связи с чем анализируются сопоставительные аспекты изучения *чудесного* исследователями разных отечественных школ и направлений. Это проявление

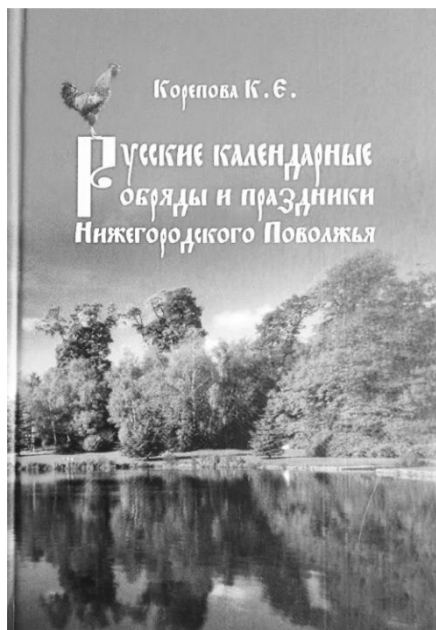
чудесного в сфере магии, религиозное начало *чуда*, обыденное *чудо*, *чудеса* в славянской мифологии, *чудо* в текстах русского фольклора (лирические песни, причитания, духовные стихи, былины), сопоставительные аспекты *чуда* в сравнительном ракурсе русских и иноязычных текстов и т. д. Авторы приходят к выводу о том, что концепт *чудо* как явление фольклорного текста является текстопродуцирующей категорией русской волшебной сказки как в традиционных, так и в новых текстах.

Вторая глава монографии обращена к функционированию ментальной оппозиции «свой/чужой», составляющей концептуальную основу древней традиции (русских былин, эпических песен, созданных на основе былин), а также к формам проявления данной оппозиции в современных медийных текстах, в русской мультипликации. В ходе анализа, сопоставления текстов выясняется, что в поликодовом контексте мультипликационных фильмов сохраняются базовые исторические характеристики былинных героев (образы богатыря, богатырского коня), положительно воспринимаемые школьниками. Это обоснование может стать опорной базой педагогов и психологов в работе с целевой аудиторией детей и подростков.

Отметим оригинальность новейших лингвистических трудов по изучению медийного фольклора (русских народных сказок в новых дискурсивных практиках), их познавательность, возможно, предопределяющих дальнейшие реакции как развлекательной, так и политической направленности. Не менее важно положительное реагирование школьников, юных создателей новых сказочных текстов и участников курса «Экологическая сказка»¹ на «сказочную» стилизацию в духе времени и социальную, экологическую, образовательную, познавательную

¹ Конкурс «Экологическая сказка» проведен в 2013 г. Вологодским региональным отделением Русского географического общества.

проблематику (см.: [3, с. 5, 14, 49, 58, 62, 67–68, 72, 74, 122]).

Удостоверившись в жизнеспособности новейших актуальных реминисценций постфольклора, обратимся к другому региональному изданию по изучению традиционной народной культуры. Речь идет о монографии Клары Евгеньевны Кореповой «Русские календарные обряды и праздники Нижегородского Поволжья», вышедшей в 2009 г. [5], но сохранившей актуальность проблематики и методики разработки фольклорных данных как источника архаической обрядовой лексики. Работа не осталась без внимания специалистов, и в 2011 г. монография была положительно рецензирована как вызывающая «особый интерес» и в целом обладающая «несомненными достоинствами» [6, с. 473, 475]. Тем не менее, круг затрагиваемых К.Е. Кореповой проблем чрезвычайно значим для междисциплинарных гуманитарных исследований (заселение земель на исторических территориях междуречья Волги и Клязьмы, в бассейне нижней Оки; проблема субстрата, послужившего началом славянской народной традиции; проблема регионального/локального в фольклоре и др.), так что отдельные аспекты данного труда и введенные в научный оборот архивные и экспедиционные материалы требуют пристального внимания как лексикологические и словарные источники и нуждаются в дополнительном комментировании. (Особенно это касается традиций «фольклорных диалектов» [5, с. 7] по южнорусским областям, менее изученным в этнофольклорном и палеолингвистическом отношении, чем русский север.)

По проблематике и методике книга не потеряла своей актуальности. Введенные в научный оборот лексические данные и материалы являются свидетельством красоты народного слова, богатства культурной традиции лирических песен, поэтических текстов, целеполагания обрядовых действий, архаической региональной и локальной специфики. Очевидно, что при всей «самостийности» затрагиваемых проблем современный постфольклор обязан своим существо-

ванием исторической традиции народного поэтического творчества. Он вытекает из календарных праздников и обрядов, территориального варьирования фольклора и обрядовой терминологии – «прародины» классических форм; из словаря народной культуры, потребность в изучении которой привлекает к себе современных исследователей.

Программу этнографического изучения Нижегородского Поволжья еще в 1875 году наметил известный краевед, фольклорист, писатель А.С. Гациский. Монография К.Е. Кореповой, созданная на основе богатых полевых материалов, полученных в ходе ежегодных экспедиций, организованных автором книги, вышла в свет в 2009 году в связи с осуществлением многолетнего и планомерного обследования территории Нижегородской области. Идея составить атлас нижегородского фольклора появилась в начале 70-х годов XX века под влиянием идей академика Н.И. Толстого. На протяжении почти тридцати лет нижегородскими фольклористами велась подготовка к картографированию материала. За собирательской работой последовала первичная кропотливая обработка текстов и их систематизация.

Содержание книги выстроено целиком на собранном автором и его учениками материале. Отличительной чертой работы ученого – патриота изучения среднерусской возвышенности, ученицы мэтра советской фольклористики В.Я. Проппа – является построенная на доказательной научной основе репрезентация нижегородского обрядового фольклора всех сезонных циклов, начиная с рождественской трапезы. Это обычаи славления, колядования [4], далее вступление в сроки новогодних костров, новогоднего обхода домов с *посеванием* и пением *таусеней*, гаданиями; «культурные переживания» крещенского «комплекса» с закрепощением дома, водосвятием, вырубанием проруби, обливанием и купанием, хождением «слушать воду», возжиганием костров утром на Крещение, чтобы «Христу ножки греть», «проводом святок». Продолжением аналитико-информационного описания календарного цикла является празднование «Масленицы» с переходом к великопостной неделе и ранневесенним ритуалам жаворонков, далее Егорьева дня и первого выгона скота. Затем следуют радостные празднования Пасхи с наблюдения за «игрой солнца», Вознесения, Троицы и летних праздников – проводы весны; обливание водой в понедельник Петровского поста – на *Ярилы* (данный хрононим в Поволжье обычно имеет форму множественного числа). Годовой круг и исследование традиций народного календаря Нижегородского Поволжья заканчивается осенне-зимними молодежными собраниями – будничными и праздничными посиделками (*беседками, игрищами, вечорками, кельями*) с описанием варьируемых сроков (с Введения, Покрова, Казанской, Михайлова дня). Имеются описания мест проведения *сиделок*, возрастного состава участников, содержания игр и забав с деталями ритуалов и воспроизведением вербальных компонентов обряда.

География научного исследования К.Е. Кореповой охватывает Приволжскую возвышенность (часть Восточно-Европейской равнины, расположенную на правом берегу Волги и ограниченную на западе Окско-Донской низменностью, называемой иначе

Тамбовской равниной). Таким образом, по выходе в свет книга стала раритетом, содержащим уникальную информацию о протекании годового круга жизни с его заботами, праздниками и постами в провинциальных областях трех зон русской календарной обрядности: зоне северного Заволжья, центральной зоне по правобережью Волги (северное междуречье Волги и Оки) и южной зоне, занимающей положение ниже центральной, доходящей до Рязанской области и Республики Мордовия. Как считает автор, выявленные зоны обязаны своим происхождением колонизационным потокам, осваивавшим нижегородскую территорию, и древней племенной культуре края [5, с. 404].

Собранные и аналитически представленные в книге обычаи и ритуалы бытовали на территории современных соседних областей – Владимирской, Пензенской, Рязанской, Воронежской, Тамбовской. Таким образом, монография К.Е. Кореповой стала настоящей энциклопедией календарной обрядности и обрядового фольклора не только Поволжья, но и ряда смежных территорий, так как до 20-х годов XX века Нижегородская губерния граничила с шестью соседними губерниями: Костромской, Казанской, Симбирской, Тамбовской, Рязанской и Владимирской (например, территория нынешнего Вознесенского района современной Нижегородской области до 1922 года являлась частью Темниковского уезда Тамбовской губернии). Таким образом, для собирателей фольклора в перечисленных областях информация о присутствии тех или иных обычаев в землях современной Нижегородской зоны является крайне актуальной и привлекательной.

Издание отличается многообразием, стремление к всеохватности представленного лексического² и фольклорного богатства локальных традиций календарного песенного творчества; систематизация и репертуар словесных текстов с пояснениями, рисунками. Автор искал и нашел конструктивные формы преподнесения регионального материала, позволяющие в будущем, при изучении других традиций, «легко влить» новые факты в общую картину. Подобная «гибкая» тактика презентации данных требует больших усилий (полного учета материала, его сопоставления с ранее введенными в научный оборот данными других обрядовых форм, систематизацию), при этом одновременно обеспечивает сопоставимость традиций и формирует общую картину. Для удобства восприятия информации читателю предложены оригинальные виды карт различной функциональной направленности, регистрирующие элементы вербализации обрядовых действий. Это ландкарты географического характера ((Там же, с. 5) карта 1), определяющие зоны и диалекты губерний и областей, административная локация Нижегородской губернии 2-й половины XIX – начала XX веков ((Там же) карта 2), распространение диалектов Нижегородского Поволжья в середине XX века ((Там же) карта 3).

Аналитический текст органично дополняют геолокации, содержащие лексические и фольклорные вкрапления внутри постраничного текста: карта рус-

ской топонимики, фиксирующая распространение названий на – «иха» ((Там же, с. 18) карта 4), карты распространения версий сюжетов колядований (так, карта 8 «Мосты» отражает разные версии сюжета – христианско-календарную, семейно-бытовую, переходную) ([5, с. 51] карта 8). Характерны карты наличия того или иного сюжета по районам и населенным пунктам ((Там же, с. 56) карта 9 «Скочил козел на барский двор»: распространение сюжета), отмечающие единичные записи и повсеместное распространение; карты типов колядного рефрена, распространения формул, контаминаций сюжетов. Сюжет колядки обычно имеет трехчастную структуру: *зачин* «пришла коляда» с описанием поисков – «мы ходили, мы искали», *величание* хозяев с описанием двора и терема и *просьбу* (требование). Картографируется также содержательная сторона народного календаря (интерпретация праздников, периодов сезонов, их «ритуальное оснащение»; распространение явлений, представленных читателю по ходу прочтения книги).

Интерес вызывает иллюстрация бытования уникальных сюжетных формул через архаику колядок. «Картографирование» наглядно отражает версии, контаминации сюжетов, их вариативность, разнообразие форм зачинов, виды зимних обходных песен. Таким образом отражены, например, сюжеты «Терем», «Мосты», «относящиеся к числу архаических среди колядных песен» (Там же, с. 49–51). В итоге в научный оборот вводится представление о бытовании фольклорно-обрядовой поэзии на территории точно определенных населенных пунктов (к примеру, карта «Костры в святки» детально отражает обычай разведения общесельских костров) (Там же, с. 129). Карта рождественского комплекса № 7 «Терем» отражает бытование трехчастной (*зачин*, *величание*, *просьба*) и двухчастной формул колядок и просьб (с закличкой «коляда», с припевом «таусень») (Там же, с. 45, 48–49). Сюжет «Мосты» содержит образы чудесной сосны и моста, символизирующие средства связи с потусторонним миром. Сюжет загадочен, не во всем понятен, «трудно поддается прочтению», имеет разные версии (христианско-календарную, семейно-бытовую, переходную) ((Там же, с. 50–51) карта 8). В контурах оригинальных фольклорных карт Нижегородского Поволжья, наглядно отображена вариативность обрядовой терминологии. Отмечается наличие точной фиксации единичных записей в населенных пунктах. Определяются версии зачинов *таусеней*, содержательное и формальное разнообразие сюжетов (краткие, развернутые). Представлено территориальное распространение вариативных речевых формул, типов зачинов, рефренов, их предназначение конкретному адресату ((Там же, с. 103) карта 28 «Таусени, предназначенные девушкам: распространение сюжетов»).

Содержательную полноту и оригинальность издания украшают цветные репродукции – «Шесты. Масленица» и «Масленичный костер» О. Козырева, фотографии и рисунки обрядового угощения (*птички*, *таусеньки*, *кокурки*, *казанки*, *каракульки*, *витушки*, *коледницы*, подаваемые колядовщикам при новогоднем обходе домов; *жаворонки*, выпеченные в день Сорока мучеников или несколько позже), а также историче-

² К примеру, на с. 43–44 представлено множество лексических и фонетических вариантов термина *коляда*.

ские фото реконструкций обрядов советского периода – «Вождение коня» и «Похороны Костромы» (Там же, с. 331, 334).

В Заключении [5, с. 402–403] сделаны важные аналитические обобщения. Богатство календарной обрядности Нижегородского Поволжья определило возможность картографирования трех зон народной культуры – северной (Заволжье), центральной (по правобережью Волги с охватом Поочья) и южной. Членение региона по характеру календарной обрядности совпадает с диалектным и лингвистическим. Каждая из зон не отличается целостностью: внутри нее элементы обряда могут не совпадать в центре и на периферии, границы зон размыты. Через Нижегородский край пролегают транспортные пути рек Волги и Оки, поэтому здесь всегда существовало большое движение людских переселенческих потоков. Отдельные элементы обряда не замыкаются на нижегородской территории, распространяясь далее, отчего исследуемая календарная обрядность имеет много общего с соседними локальными традициями. Состояние взаимовлияния сложилось в связи с миграцией населения, обусловленной географией водных путей, и появлением «малых этнических групп» (Там же, с. 404, 27), фактически не выявленных и не описанных историками.

Литература

1. Гудков, Д. Б. Когнитивная база и прецедентные феномены в системе других единиц и в коммуникации / Д. Б. Гудков // Вестник Московского государственного университета. Серия 9: Филология. – 1997. – № 3. – С. 62–75.

2. Иванова, Е. М. К вопросу о прецедентном пространстве текстов современного русского национализма / Е. М. Иванова // Вестник Череповецкого государственного университета. – 2022. – № 5 (110). – С. 101–114.

3. Концептосфера русского фольклора и ее отражение в новых дискурсивных практиках : монография / Е. Н. Ильина, В. В. Карпова, В. С. Тиво ; [научный редактор Е. Н. Ильина] ; Министерство науки и высшего образования Российской Федерации, Вологодский государственный университет. – Вологда : ВоГУ, 2020. – 195 с.

4. Корепова, К. Е. Колядные песни в Нижегородском Поволжье / К. Е. Корепова // Живая старина: журнал о русском фольклоре и традиционной культуре. – 1995. – № 4 (8). – С. 17–20.

5. Корепова, К. Е. Русские календарные обряды и праздники Нижегородского Поволжья / К. Е. Корепова. – Санкт-Петербург : Тропа Троянова, 2009. – 481 с.

6. Рейли, М. В. [Корепова К. Е. Русские календарные обряды и праздники Нижегородского Поволжья. СПб.: Тропа Троянова, 2009. – 481 с. (Русская этнография)] – рецензия / М. В. Рейли // Русский фольклор: Материалы и исследования. – Санкт-Петербург, 2011. – Т. 34. – С. 473–476.

7. Экологические сказки: архив конкурса ВРО РГО 2012 года (библиотека № 10 МУК «Централизованная библиотечная система г. Вологды», каталожный индекс 74.200.528 кр; авторский знак Р 13; инвентарный номер 7600 – д). [Экол. ск. № 1–129].

S. Iu. Dubrovina

**BOOK REVIEW: KOREPOVA K. E. RUSSIAN DATED
TO THE CALENDAR RITUALS AND HOLIDAYS OF NIZHNY NOVGOROD VOLGA REGION.
ST. PETERSBURG: TROPA TROYANOVA, 2009. 480 P**

The review examines the features of the content of K.E. Korepova's monograph devoted to the study of calendar rituals and holidays in the Nizhny Novgorod Volga Region. The issues of the field collection and the study of ritual folklore are raised.

Volga Region, ritual folklore, calendar rituals.